

Криста Мирай

Воронье гнездо

18+

Криста Мирай

Воронье гнездо

<https://litres.ru/74000221>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — корона, которую хотят украсть. Он — щит, у которого нет права на желания.

Шестнадцатилетняя принцесса Ирма теряет трон, едва успев его получив. Её судьба — стать разменной монетой в сделке с южным королевством, её тело — приз за мир, который она не заключала. Свадьба с жестоким принцем Стефом — приговор, а не спасение. Единственная преграда между ней и убийцами — угрюмый рыцарь без земель и золота, чьё имя не стоит и гроша в анналах знати.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	74

Криста Мирай Воронье гнездо

Глава 1

Нортанд, замок Воронанье Гнездо

Шесть месяцев после смерти королевы Элины

Стража у дверей тронного зала пропустила сэра Дэймона без единого слова. Он шёл по длинному каменному коридору, и сапоги его тихо ступали по выщербленным плитам — не потому, что он старался красться, а потому что за пятнадцать лет жизни в замке выучил каждый камень, каждую трещину, каждый скрип половиц. В Вороньем Гнезде не любили шума. Прежняя королева, Элина, говорила, что тишина — это роскошь, которую северяне могут себе позволить, в отличие от вечно галдящих южан.

Дэймону шёл двадцать пятый год. Он был высок даже для северянина — сказывалась кровь предков, которые поколениями мерили землю вдоль ледяных границ. Короткие тёмные волосы, серые глаза, лицо с резкими скулами и тонким шрамом над левой бровью — память о первой стычке с раз-

бойниками в пятнадцать лет. Доспех его был простым, без гербов и украшений: потёртая кожа, стальные пластины, начищенные до тусклого блеска, плащ из грубой тёмно-синей шерсти. На груди — единственная эмблема: серебряный ворон с распростёртыми крыльями, знак личной стражи королевы.

Когда-то таких воронов было двенадцать. Теперь осталось семеро. Пятеро погибли в войне с южанами. Дэймон помнил каждого: как они смеялись в казармах, как спорили о тактике, как шептались по ночам о женщинах, которых никогда не посмеют коснуться. Теперь он был старшим среди оставшихся. Ему не нравилось это звание.

Он подошёл к высоким дубовым дверям, за которыми заседал Малый совет. Двое стражников — из королевской гвардии, не из личного состава — переглянулись, но пропустили его. Приказ королевы-регентши? Или просто знали, что этого рыцаря остановить нельзя? Дэймон не стал спрашивать.

Внутри было сумрачно. Совет собирался в помещении, которое в прежние времена служило охотничьей залом: стены увешаны рогами оленей и чучелами волков, длинный дубовый стол, за которым сидели семеро мужчин в тёмном. Воздух пропах воском, старой кожей и табаком — лорд Хар-

грив курил трубку, не спрашивая разрешения. У камина стоял трон — маленький, неудобный, предназначенный не для парадов, а для быстрых решений. Королева Элина не любила церемоний.

Теперь на троне сидела девушка в чёрном.

Принцесса Ирма смотрела в карту, разложенную перед ней на столе, и не подняла головы, когда Дэймон вошёл. Ей было шестнадцать, и она выглядела на четырнадцать — тонкая, бледная, с тёмными кругами под глазами, которые не скрывал даже толстый слой траурной вуали. Волосы, рыжие, как у матери, были стянуты в тугой узел на затылке — «чтобы не мешали», как она однажды сказала. Платье сидело мешковато: не потому, что портниха ошиблась в мерках, а потому что Ирма почти перестала есть после похорон.

Ваше высочество. — Дэймон опустился на одно колено в трёх шагах от стола. Достаточно близко, чтобы быть услышанным, достаточно далеко, чтобы не нарушать этикет.

Ирма подняла глаза. У неё были тёмно-карие глаза — «материнские», как говорили при дворе, хотя королева Элина славилась светло-зелёными. На самом деле Ирма походила на отца, короля-консорта Берона, который погиб в битве при Кровавом Перевале, когда дочери было всего шесть лет.

От отца ей достались и этот упрямый подбородок, и привычка смотреть в лицо собеседнику так, будто она читает его мысли.

— Встаньте, сэра Дэймон. Мы здесь не на балу.

Голос у неё был низкий для шестнадцати лет — прокуренный? Нет, она не курила, только брала иногда отцовскую трубку в руки и нюхала табак, вспоминая запах. Просто в последние месяцы она говорила так много и так громко, что сорвала связи. Спорила с советом, спорила с лордами, спорила с собственной кухаркой, которая пыталась накормить её утробным пирогом.

Дэймон поднялся. Совет молчал. Лорд-казначей Грейвуд тербил перстень на пальце, лорд-маршал Эдрик сжимал подлокотники кресла так, будто хотел вырвать их с корнем, лорд Харгрив выпускал клубы дыма в потолок. Только герцог Ормонд — седой, морщинистый, с лицом, похожим на дублённую кожу — сидел неподвижно и смотрел на Дэймона холодными глазами охотника.

Охотника, который выследил добычу.

— Вы знаете, зачем вас позвали? — спросил герцог. Он не любил тратить время на приветствия. В свои шестьдесят

он пережил трёх королей, две войны и одно восстание, и до сих пор ни одна пуля, ни один меч, ни один яд не смогли отправить его к праотцам. При дворе шептались, что Ормонд продал душу самому Ледяному Владыке — древнему боже-ству севера. Дэймон не верил в слухи, но старался держаться от старика подальше.

— Я догадываюсь, милорд, — ответил он, не опуская глаз.

Вчера вечером в саду принцессы произошло покушение. Дэймон не видел стрелу — он был в казармах, когда это случилось, — но слышал крик садовника и видел сломанную ветку розового куста, в которой застрял наконечник. Длин-ный, тонкий, отравленный. Южный почерк.

— Принцессу Ирму попытались убить, — продолжил Ор-монд. — В её собственном саду. Под окнами её спальни. По-ка мы тут сидим и обсуждаем приданое.

Ирма дёрнула плечом. Она ненавидела разговоры о при-даном. Её свадьба с южным принцем Стефом была решена советом ещё при жизни матери, но королева Элина тянула время — «война сначала, потом свадьбы», говорила она. Те-перь Элины не было, и южане торопили. Полгода на траур, полгода на подготовку, и к началу весны Ирма должна была надеть свадебное платье и пересечь границу. Навсегда.

— Мы решили, — герцог говорил так, будто зачитывал приговор, — что принцессе нужен личный страж. Не просто гвардеец из числа тех, кто охраняет двери. Кто-то, кто будет рядом в любое время дня и ночи. Кто-то, кто скорее умрёт, чем допустит повторение вчерашнего.

Дэймон молчал. Он знал, что последует дальше.

— Совет выбрал вас, сэр Дэймон, — сказал Ормонд. — Вы лучший меч в Вороньем Гнезде. Вы верны короне. У вас нет семьи, нет земель, нет вассалов, которые могли бы использовать ваше положение для интриг. Вы — идеальная тень.

«Идеальная тень». Дэймон никогда не слышал более точного описания своей жизни. Сын барона, который потерял всё в прошлую войну. Оруженосец с восьми лет, рыцарь с пятнадцати. Ни дома, ни наследства, ни надежды когда-либо завести семью. Он был оружием — острым, надёжным, одноразовым. Им пользовались, когда нужно было убить врага или защитить господина, и выбрасывали, когда лезвие тупилось.

Он покосился на Ирму. Она всё ещё смотрела в карту — упрямо, демонстративно, будто не слышала ни слова из то-

го, что говорил Ормонд. Но Дэймон заметил, как сжались её пальцы на краю стола. Тонкие, бледные, с чернильными пятнами — она писала письма до глубокой ночи, пытаясь удержать союзников, которые один за другим переходили на сторону врага.

— Каковы мои обязанности, милорд?

Ормонд перечислил, словно зачитывал пункты контракта:

— Спать возле её покоев. Сопровождать принцессу повсюду — в тронный зал, в библиотеку, на прогулку, в уборную. Есть только то, что она ест, и пить только то, что она пьёт, чтобы разделить риск отравления. И если кто-то поднимет на неё руку, вы должны убить его раньше, чем он делает второй шаг.

— А если нападут десять?

— Тогда вы убиваете десятерых, сэр Дэймон. Или умираете, пытаясь.

В зале повисла тишина. Лорд Харгрив закашлялся от дыма. Лорд-маршал Эдрик отвернулся к окну, за которым серое северное небо сливалось с серыми скалами. Только герцог Ормонд не отводил взгляда.

— Я согласен, — сказал Дэймон.

Никто не удивился. Он не мог отказаться — это было равносильно признанию в трусости, а трусов в Вороньем Гнезде не держали. Но Дэймон сказал это не потому, что боялся позора.

— Решено, — герцог кивнул, и это движение было похоже на удар топора. — С сегодняшнего дня вы поступаете в личное распоряжение её высочества. Остальным стражам приказано подчиняться вам как начальнику охраны. Все вопросы — через вас. Все угрозы — к вам.

Совет зашевелился, заскрипели стулья, лорды поднимались, не глядя друг на друга. Только Ирма осталась сидеть. Она смотрела на карту — на линии фронта, которые за полгода продвинулись на двадцать миль к северу, на крепости, которые пали одна за другой, на пустые пространства, где ещё недавно стояли верные короне гарнизоны.

— Ваше высочество, — Дэймон поклонился, ожидая, что она скажет хоть слово. Разрешение уйти. Приказ следовать за ней. Хотя бы кивок.

Ирма подняла голову.

Её глаза были сухими. В них не было ни страха, ни благодарности, ни даже той усталой покорности, которую Дэймон привык видеть у людей, поставленных перед фактом. В них была злость. Горячая, неуёмная, такая же рыжая, как её волосы.

— Вы довольны, милорды? — спросила она, обращаясь уже не к Дэймону, а к пустеющему залу. — Приставили ко мне няньку с мечом. Поздравляю. Вы выполнили свой долг перед короной.

Ормонд остановился в дверях, обернулся.

— Ваше высочество, речь идёт о вашей безопасности.

— Моя безопасность, — повторила Ирма, и в её голосе прозвучало что-то детское, обидчивое, — то, что вы решили продать меня южанину, чтобы купить его солдат? Моя безопасность стоит пяти тысяч копий и двух кораблей с пряностями? Я правильно помню условия договора?

— Ваше высочество... — начал было Грейвуд, но Ирма встала — резко, так что стул отлетел назад.

— Можете идти, милорды. Сегодня мы уже всё обсудили.

Они ушли. Не все сразу: Ормонд задержался на секунду дольше остальных, бросив быстрый взгляд на Дэймона, на Ирму, на расстояние между ними. Потом вышел, плотно притворив за собой дверь.

Стук захлопнувшейся двери повис в воздухе.

Дэймон остался стоять у стола, вытянувшись по струнке. Привычка, въевшаяся в кровь: в присутствии королевской особы нельзя расслабляться. Нельзя прислоняться к стене. Нельзя опускать глаза. Нельзя дышать слишком громко.

Ирма смотрела на него так, будто видела впервые.

— Вы знаете, кто стрелял? — спросила она.

— Нет, ваше высочество. Стрела южная, но это ничего не доказывает.

— А что доказывает? — Она обошла стол, и Дэймон впервые заметил, какая она маленькая. Без трона, без высокой кафедры, без подставки для ног — просто худая девушка в нелепом траурном платье, которая едва доставала ему до плеча. — В замке полно людей, которые хотят моей смерти. Половина совета пляшет под дудку южан. Другая половина

мечтает посадить на трон какого-нибудь кузена, который будет делать то, что им скажут. И единственное, что их всех объединяет, — это желание поскорее выдать меня замуж и забыть, что я вообще существую.

— Ваше высочество...

— Не перебивайте меня.

Она остановилась в двух шагах от него. Близко. Ближе, чем позволял этикет. Дэймон уловил запах — не духов, которыми обычно пользовались придворные дамы, а чего-то горького, травяного, с примесью старой бумаги и воска. Библиотека. Она пропахла библиотекой.

— Я хочу, чтобы вы знали, сэр Дэймон, — сказала Ирма тихо, очень тихо, так, что ему пришлось наклонить голову, чтобы расслышать, — я не просила себе личного стража. Я не просила няньку, телохранителя, тень. Я не ребёнок. Мне не нужен кто-то, кто будет спать у моей двери и проверять, не подсыпали ли мне яд в суп.

— Я исполняю приказ совета, ваше высочество.

— Вы исполняете приказ, — повторила она, и в голосе её прозвучала такая горечь, что Дэймону захотелось отступить

на шаг. — Все вы исполняете приказы. Никто из вас не спрашивает меня, чего хочу я.

— Чего хотите вы, ваше высочество?

Она замерла. Наверное, не ожидала, что он спросит. Совет никогда не спрашивал — совет приказывал. Мать, при всей любви к дочери, тоже редко интересовалась её желаниями, слишком занятая войной и политикой. А уж южные послы и вовсе смотрели на Ирму как на говорящую куклу — у неё есть имя, титул и матка, способная родить наследника, а остальное не важно.

«Чего хотите вы?»

Ирма отвела глаза первая.

— Я хочу, чтобы война закончилась, — сказала она в сторону. — Я хочу, чтобы мои люди перестали умирать. Я хочу, чтобы мать... — Она запнулась, поправила вуаль, скрывая лицо. — Я хочу, чтобы меня не продавали, как мешок с зерном, первому, кто предложит лучшую цену.

— Я не продаю людей, ваше высочество. Я их защищаю.

— Тогда защищайте, — бросила она, и в этом слове бы-

ло всё: и усталость, и вызов, и странная, совсем не детская безнадежность. — Делайте свою работу, сэр Дэймон. Спите у моей двери. Проверьте мой суп. Умирайте за меня, если понадобится. Но не ждите, что я буду вам благодарна.

Она развернулась и пошла к боковой двери. На полпути остановилась, не оборачиваясь.

— Ваша комната будет рядом с моей. Капитан стражи покажет. И ещё — я не ем мяса по постным дням. Запомните.

— Запомню, ваше высочество.

— И не называйте меня так, когда мы одни.

— Как прикажете, ваше высочество.

Она фыркнула — почти рассмеялась, но смех вышел горьким — и скрылась за дверью.

Дэймон остался в пустом зале.

Он подошёл к столу, посмотрел на карту, которую Ирма разглядывала так пристально. Линии фронта, отмеченные красными чернилами. Потери, обведённые чёрным. Имена предателей, перечёркнутых жирной полосой. В углу кар-

ты, на самом краю, она нарисовала маленького ворона — небрежно, не думая, просто ставя точку на полях.

Ворон держал в клюве корону.

Ту самую, что носила королева Элина. Ту, что теперь предстояло носить её дочери.

Дэймон провёл пальцем по рисунку и почувствовал, как бумага под рукой чуть влажная — от слёз? От чернил, которые не успели высохнуть?

Он убрал руку и вышел из зала.

В коридоре его ждал капитан стражи — старый Годрик, кривой на один глаз, с лицом, исполосованным шрамами. Они знали друг друга почти десять лет: Годрик учил Дэймона фехтованию, когда тот был ещё зелёным оруженосцем, и до сих пор подтрунивал над тем, как он впервые уронил меч на собственную ногу.

— Поздравляю, — сказал Годрик без улыбки. — Теперь ты мамка для самой капризной девчонки во всём королевстве.

— Она не капризная, — ответил Дэймон, сам не зная, за-

чем её защищает. — У неё просто... горе.

— У всех нас горе, — отрезал Годрик. — Но не у всех есть право посылать совет в задницу и оставаться при этом в живых. Береги её, парень. Не только от стрел и кинжалов. От неё самой тоже. Она умеет делать глупости. Вся в отца.

Они пошли по коридору — мимо портретов давно умерших королей и королев, мимо гобеленов с охотничьими сценами, мимо зарешеченных окон, за которыми серело предвечернее небо. Дэймон заметил, что замок изменился. Раньше здесь всегда было многолюдно: фрейлины, послы, просители, торговцы, солдаты. Теперь коридоры пустовали. Те, кто мог уехать — уехали. Те, кто остался, прятались по комнатам, боясь, что их заподозрят в измене или, что хуже, в верности покойной королеве.

— Вот твоя нора, — Годрик толкнул дверь в маленькую комнатку в конце узкого коридора. Внутри — кровать, стол, табурет, вешалка для доспехов. Узкое окно выходило на внутренний двор, где конюхи водили лошадей на водопой. — Ключ один, держи при себе. Дверь её высочества — в десяти шагах отсюда, направо. Если услышишь шум — бегом. Если не услышишь, но чутьё подскажет — всё равно бегом.

— Я знаю, что делать, — сказал Дэймон, разглядывая

комнату. Меньше, чем его старая каморка в казармах, но зато своя. С дверью. С окном. С возможностью посидеть в тишине, которую так редко удавалось найти в Вороньем Гнезде.

— Я знаю, что ты знаешь, — проворчал Годрик. — Но повторить не мешает. Если с ней что-то случится — нас всех повесят. И не важно, что мы будем кричать: «Мы не виноваты, мы просто стояли в коридоре». Понял?

— Понял.

— Тогда отдыхай. Заступаешь сегодня ночью. Стоять будешь у её двери.

Годрик ушёл, тяжело ступая по каменным плитам. Дэймон остался один.

Он снял меч, прислонил к стене. Стянул перчатки, бросил на кровать. Подошёл к окну, упёрся ладонями в холодный подоконник. За окном возились лошади, перекликались конюхи, где-то вдалеке лязгнула кузнечная дверь — обычный вечерний шум обычного северного замка.

А за стеной, в десяти шагах отсюда, сидела девочка в чёрном платье и смотрела на карту, по которой ползла война.

Принцесса, которую хотят убить.

Невеста, которую хотят продать.

Правительница, которую никто не хочет слушать.

И её личный страж, который только что поклялся умереть за неё, даже не сказав этой клятвы вслух.

Дэймон закрыл глаза и представил себе завтрашний день. Утро. Он встанет затемно, наденет доспех, застегнёт перевязь с мечом и пойдёт к её дверям. Будет стоять, пока она спит. Проводит её до тронного зала, где совет снова будет обсуждать приданое и условия брачного договора. Постоит за её спиной, пока она будет спорить с лордами, которые давно уже решили, что ей не место на троне. Отведёт её в библиотеку — единственное место, где она, кажется, может вздохнуть свободно — и останется у дверей, потому что дальше ему вход запрещён. Рыцари не читают книг. Рыцари не учат языков. Рыцари стоят и ждут, пока их господа закончат свои умные дела.

«Я не ребёнок. Мне не нужен кто-то, кто будет спать у моей двери».

«Не ждите, что я буду вам благодарна».

Он не ждал благодарности. Он ждал только одного: чтобы она дожила до утра.

Ночь наступила быстро.

Дэймон стоял у дверей покоев Ирмы, прислонившись спиной к холодной каменной стене. Уши привыкли различать каждый звук: шаги патруля в конце коридора, скрип половиц в соседней комнате, завывание ветра в дымоходе. Где-то далеко, на нижних этажах, лаяла собака — старая гончая, которую держали на кухне для ловли крыс.

За дверью было тихо.

Слишком тихо.

Дэймон знал, что она не спит. Он слышал, как она ходит по комнате — туда-сюда, туда-сюда, — как иногда останавливается и что-то бормочет себе под нос. Наверное, пишет письма. Или читает. Или просто смотрит в потолок, вспоминая мать.

Он тоже иногда вспоминал мать.

Не потому, что она умерла — нет, мать Дэймона, леди Арика из рода Холодных Ключей, была жива и, по слухам, снова вышла замуж за какого-то южного барона. Она бросила его, когда ему было десять. Бросила без объяснений, без прощания, просто уехала однажды утром, пока он был на тренировке, и больше не вернулась. Отец, барон Ренар, погиб через два года, оставив сыну только имя и долги. Дэймон тогда поклялся, что никогда никого не полюбит так, чтобы расставание могло причинить боль.

Взрослые клятвы всегда кажутся смешными, когда смотришь на них из детства.

Он вздохнул, провёл рукой по лицу. Хотелось спать, но он знал: если сядет, то уже не встанет до утра. Лучше стоять. Лучше двигаться. Он отошёл от стены, прошёлся по коридору до конца и обратно — двадцать шагов туда, двадцать обратно. В конце коридора висела лампа с коптящим фитилём. Дэймон поправил её, чтобы не коптила так сильно, и заметил тень на лестнице.

Кто-то поднимался.

Тихо. Медленно. Без фонаря.

Он вытащил меч из ножен без звука — старый трюк, кото-

рому научил его Годрик: сначала чуть-чуть надавить на гарду, потом резко выдернуть клинок, так чтобы металл не звякнул о край ножен. В темноте коридора лезвие блеснуло мутно — освещение было слишком плохим для настоящей стали.

Тень приблизилась.

Дэймон уже занёс меч для удара, когда из темноты выступила фигура старого библиотекаря Бенедикта. Сгорбленный, в длинной серой мантии, с охапкой книг в руках. Он посмотрел на меч, на Дэймона, на дверь принцессы и медленно покачал головой.

— Она просила принести, — прошептал он. Голос у Бенедикта был скрипучим, как несмазанная дверная петля, но на удивление тёплым. — Историю южных королевств. Третий том.

Дэймон опустил меч.

— Входите, — сказал он, отступая от двери.

Библиотекарь кивнул, постучал три раза — условный стук, который Ирма, должно быть, знала — и вошёл внутрь. Дверь за ним закрылась, но не до конца: осталась щель, в ко-

торую пробивался слабый свет свечи.

Дэймон заглянул в щель.

Он не должен был этого делать. Это был не его долг — подглядывать за принцессой. Это было низко, недостойно рыцаря, нарушением всяческих приличий. Но он всё равно посмотрел.

Ирма сидела на кровати, подобрала под себя ноги, одетая в длинную ночную рубашку из грубого полотна. Волосы распущены — рыжая волна падала на плечи, на подушку, на раскрытую книгу, которая лежала у неё на коленях. Она улыбалась Бенедикту — слабо, краешком губ, но Дэймон никогда не видел её такой. Спокойной. Почти счастливой.

— Третий том, — сказала она, принимая книги. — Наконец-то. Вы обещали принести его ещё неделю назад.

— Тяжёлый, — пожаловался Бенедикт. — Старый. Бумага сыпется. Я боялся нести.

— Вы принесли. Спасибо.

Библиотекарь что-то пробормотал, поклонился и вышел. Увидев Дэймона, остановился, посмотрел на него долгим

мудрым взглядом.

— Вы новенький, — сказал он. Это было не вопросом, а утверждением.

— Личный страж её высочества.

— А, — протянул библиотекарь. — Значит, тот самый, который будет спать у дверей. Она говорила.

— Она говорила обо мне?

Бенедикт не ответил. Только улыбнулся — беззубой, старческой улыбкой — и побрёл вниз по лестнице, шаркая туфлями.

Дэймон остался один.

Щель в двери всё ещё светилась. Он не должен был смотреть, смотрел. Ирма листала книгу, переворачивая страницы тонкими бледными пальцами. Остановилась на какой-то иллюстрации — судя по всему, на карте. Провела по ней пальцем, нахмурилась, что-то прошептала.

«Помоги мне», — подумал Дэймон. Не вслух. Просто мысль, которая пришла и ушла, оставив после себя странную

тяжесть в груди.

Он отошёл от двери, прислонился к стене напротив. Меч он держал вертикально, уперев остриё в пол, руки сложив поверх рукояти. Так его учили стоять в карауле: долго, неподвижно, почти как статую.

В замке гасили огни. Один за другим, сверху вниз, словно кто-то задувал свечи невидимой рукой. В коридоре стало почти темно — только лампа в конце слабо мерцала, борясь с тьмой.

Дэймон закрыл глаза.

Не спать. Только не спать.

За дверью перестали ходить. Свеча, должно быть, погасла — или Ирма задула её сама. Наступила тишина. Такая густая, что можно было резать ножом.

Дэймон открыл глаза и остался стоять на страже.

Была его первая ночь. Впереди их ждали сотни других.

Глава 2

Ирма стояла перед гардеробной, сжимая в руках приглашение на званый вечер, и чувствовала, как в груди поднимается тошнота.

Бумага была плотной, дорогой, с тиснёным золотом — южный герб, перевитый розами и мечами. Посол королевства Андис, лорд Рейнардо дель Венто, имел честь пригласить её высочество принцессу Ирму Нортандскую на бал в честь подписания предварительного брачного договора. Вечер, ужин, танцы. Обязательно танцы. Потому что южане считали, что девушка, которая не умеет танцевать, не умеет ничего.

— Я не пойду, — сказала она в пустоту.

Фрейлина Мира, единственная из пяти, кто не сбежал из дворца после смерти королевы, терпеливо развешивала на вешалки платья. Ей было под сорок, она была низкорослой, круглолицей, с руками, вечно испачканными в краске для ткани, потому что Мира сама подкрашивала выцветшие наряды принцессы. Денег на новых портных не было — все средства уходили на войну.

— Ваше высочество, посол будет оскорблён, — мягко сказала Мира, не оборачиваясь.

— Посол может поцеловать меня в задницу.

— Ваше высочество! Непригоже так выражаться принцессе!

Ирма швырнула приглашение на пол. Бумага упала на толстый ковер — тихо, обиженно, как всё в этой комнате, когда на неё кричали. Она ненавидела эту комнату. Ненавидела эти стены, увешанные портретами давно умерших родственников, ненавидела эту кровать с балдахинном, где умерла мать, ненавидела гардеробную с платьями, которые ей предстояло надеть за шесть месяцев свадебных приготовлений.

Белое платье висело отдельно — в прозрачном чехле, как экспонат в музее. Шёлк, кружева, жемчуг, вышивка в виде северных звёзд. Мать заказала его за год до смерти. «Ты будешь самой красивой невестой в истории Нортанда», — сказала она тогда.

Ирма хотела разорвать это платье в клочья.

Но вместо этого подошла к окну и уставилась на серое утро. Шёл дождь. Холодный, противный, косой — тот самый

северный дождь, который пробирал до костей и заставлял южных послов кутаться в меха и проклинать местный климат. Внутренний двор замка превратился в грязное месиво из глины, конского навоза и соломы. Конюхи в промокших плащах перекликались хриплыми голосами, а где-то в казармах играли на дудке — грустную песню без слов.

Дверь отворилась после стука.

Ирма даже не обернулась — она уже привыкла к этой тяжёлой поступи за спиной. Только плечи напряглись чуть сильнее, чем обычно.

— Ваше высочество, — голос сэра Дэймона был ровным, как хорошо откалиброванный клинок. — Посол требует аудиенции.

— Пусть требует.

— Он говорит, что это срочно.

— Всё, что он говорит, «срочно». — Ирма провела пальцем по запотевшему стеклу. — Срочно обсудить приданое. Срочно подписать договор. Срочно познакомить меня с женихом, который даже не соизволил приехать. Где принц Стеф? Почему он не здесь, а где-то в своих тёплых южных

землях пьёт вино и охотится на оленей?

Дэймон не ответил. Это было не его дело — обсуждать дипломатические тонкости. Его дело было стоять у двери, молчать и быть готовым выхватить меч по первому знаку.

Ирма знала это. И это бесило её больше всего.

Она обернулась.

Сэр Дэймон стоял в дверях — напряжённый, прямой, в своём обычном тёмно-синем плаще с серебряным вороном. За три дня она успела рассмотреть его лучше, чем за предыдущие пятнадцать лет жизни в замке. Высокий. Угловатый. С руками, которые никогда не лежали на мече расслабленно — всегда чуть выше гарды, наготове. Лицо, казалось, было вырезано из того же серого камня, что и стены Вороньего Гнезда. Только глаза — светлые, почти прозрачные — выдавали, что внутри этого камня есть что-то живое.

«Не думай о нём, — сказала она себе. — Он — мебель. Он — стена. Он — приказ совета, которому ты вынуждена подчиняться».

— Передайте послу, — сказала она, отвернувшись обратно к окну, — что я приму его через час в малой гостиной. И

пусть не рассчитывает на ужин.

— Слушаюсь.

Он уже взялся за дверную ручку, когда она добавила:

— Сэр Дэймон.

— Да, ваше высочество?

— Вы умеете танцевать?

Вопрос повис в воздухе. Дэймон замер с рукой на ручке, и в этом замирании было что-то почти смешное — рыцарь, которого спросили о танцах, выглядел так, будто его только что попросили сплести кружева.

— Нет, ваше высочество, — ответил он после паузы. — Рыцарей не учат танцевать.

— А чему вас учат?

— Убивать.

Ирма усмехнулась — холодно, без тени веселья.

— Полезное умение. Возможно, сегодня вечером оно вам пригодится. На балу.

Она вышла из гардеробной, оставив растерянную Миру и окаменевшего Дэймона. Прошла в спальню, села на край кровати — той самой, где умерла мать — и уставилась на свои руки. Бледные. Тонкие. С чернильными пятнами между пальцев.

Мать говорила, что у неё руки настоящей королевы: длинные пальцы, крепкие запястья, никаких украшений, кроме золотого кольца с вороном. «Ты рождена править, Ирма. Твоё тело знает это, даже если твой разум сомневается».

Её разум сомневался всегда. Каждый день. Каждый час. Каждую минуту с тех пор, как мать положили в гроб.

Мира вошла следом, неся на плече тёмно-серое платье — единственное, которое Ирма согласилась надеть сегодня. Траурное, шерстяное, без единого украшения. Просторное, чтобы скрывать, как сильно она похудела за последние месяцы.

— Ваше высочество, может быть, всё же наденете что-то повеселее? — осторожно спросила Мира. — Посол будет...

— Посол будет смотреть на моё лицо, а не на платье, — перебила Ирма. — И если ему не нравится цвет моего траура, он может вернуться в свою солнечную Андис и больше никогда не тревожить меня своими приглашениями.

Мира вздохнула, но спорить не стала. Она расстегнула платье, помогла Ирме переодеться, затянула шнуровку на спине — не слишком туго, потому что Ирма не выносила удушающих корсетов южного фасона. Волосы уложила в простой узел, закрепила серебряной шпилькой — единственным украшением, которое Ирма носила после смерти матери. Шпилька была маминой. На ней был выгравирован ворон.

— Так лучше, — сказала Мира, отступая на шаг, чтобы окинуть результат взглядом. — Вы выглядите как настоящая северная правительница.

— Я выгляжу как девочка в мамином платье, — возразила Ирма. — Но это лучше, чем выглядеть как невеста из южной сказки.

Она подошла к зеркалу — старому, в потускневшей серебряной раме, которую мать привезла из своей девичьей комнаты. Отражение смотрело на неё чужими глазами. Худое лицо с острыми скулами, бледная кожа, почти сливающаяся

ся с серым воротником платья, и только волосы — яркие, рыжие, непокорные — напоминали, что внутри этой хрупкой оболочки ещё теплится жизнь.

«Мама, — прошептала она. — Что мне делать?»

Зеркало не ответило.

Малая гостиная находилась на втором этаже восточного крыла — маленькая, уютная комната с камином, который вечно дымил, и низкими потолками. Ирма любила её именно за тесноту: здесь нельзя было устраивать пышные приёмы, говорить громкие речи, играть в политику. Здесь можно было просто сидеть, пить горячий шоколад (единственная южная слабость, которую она себе позволяла) и чувствовать себя почти обычным человеком.

Сегодня она не чувствовала себя обычным человеком.

Дэймон открыл перед ней дверь, пропуская вперёд, и занял место у стены — слева от камина, откуда просматривались и вход, и окно, и всё пространство комнаты. Профессиональная привычка. Ирма уже начала замечать, как он оценивает каждое помещение, в которое они входили: где

возможен удар, где можно спрятаться, где находится самый быстрый путь к выходу.

Она села в кресло у камина, положила руки на подлокотники и приготовилась ждать.

Посол Рейнардо дель Венто вошёл ровно через час — ни минутой раньше, ни минутой позже. Он был южанином до мозга костей: смуглый, кудрявый, пахнущий апельсинами и дорогим вином. На нём был камзол из тёмно-зелёного бархата, расшитый золотыми листьями, и кружевное жабо, которое выглядело бы смешно на любом северянине, но на нём — почти элегантно. Ему было лет сорок, но он ухаживал за собой так тщательно, что казался моложе.

— Ваше высочество, — он поклонился, коснувшись губами её руки. Дэймон за спиной напрягся — посол заметил это краем глаза и усмехнулся. — Я счастлив видеть вас в добром здравии.

— Я не в добром здравии, лорд Рейнардо. Я устала, зла и хочу, чтобы вы изложили свои «срочные» дела за пять минут, пока я не вышла вон.

Посол выпрямился, и улыбка на его лице стала чуть менее сладкой. Он привык к дипломатическим играм — ходить во-

круг да около, намекать, обещать, угрожать полунамёками. Но с этой девчонкой, кажется, такие штуки не проходили.

— Хорошо, — сказал он, усаживаясь в кресло напротив без приглашения. — Буду краток. Ваш совет тянет с подписанием брачного договора. Лорд Ормонд находит всё новые и новые возражения: то приданое недостаточно велико, то условия проживания принцессы в Андисе не прописаны, то сроки свадьбы неудобны. Мой король начинает терять терпение.

— Ваш король, — Ирма подалась вперёд, и в камине громко треснуло полено, — начал терять терпение ещё до того, как моя мать остыла в гробу. Я помню, лорд Рейнардо. Вы приехали через две недели после похорон. С цветами.

— С соболезнаваниями.

— С цветами, — повторила она, чеканя каждое слово. — Красными розами. Мать ненавидела красные розы. Она говорила, что они пахнут кровью.

Посол молчал, поигрывая перстнем на мизинце. В комнате стало тихо — только дождь барабанил по стеклу да потрескивал огонь в камине. Дэймон стоял у стены, невидимый, как призрак, но Ирма чувствовала его присутствие: тя-

жёлое, надёжное, как скала.

— Ваше высочество, — посол наконец нарушил молчание, — я понимаю вашу боль. Я сам потерял отца в прошлом году. Но война не ждёт, пока мы оплакиваем наших мёртвых. Ваше королевство истекает кровью. Южане — ваши враги, но принц Стеф — ваш союзник. Его армия может переломить ход войны.

— Его армия стоит пять тысяч золотых монет, два корабля и мою свободу, — отрезала Ирма. — Я умею считать, лорд Рейнардо.

— Свобода — это иллюзия, которой тешат себя бедняки, — мягко сказал посол. — Вы — принцесса. Ваша свобода всегда будет стоить ровно столько, сколько за неё предложат.

Ирма побледнела.

Это было правдой. Самой горькой, самой мерзкой правдой, которую она не могла отрицать. Её мать была королевой, но даже она платила за свою свободу кровью — своей и чужой. Каждый день. Каждый час. До самого конца.

— Ваши пять минут истекли, — сказала она, поднимаясь. — Мира проводит вас к выходу.

Посол тоже встал — неторопливо, с достоинством человека, который знал, что его ещё позовут.

— Бал сегодня вечером, ваше высочество. Я надеюсь увидеть вас там. В белом.

— Я приду в чёрном, — ответила Ирма. — Или не приду вовсе.

Она вышла из гостиной, не дожидаясь ответа.

Дэймон последовал за ней — бесшумной тенью, в двух шагах позади.

Коридоры Вороньего Гнезда в дождливый день становились похожи на подземелья. Сырость просачивалась сквозь стены, воздух пах плесенью и старой штукатуркой, а факелы горели тускло, будто им тоже не нравилась эта погода. Ирма шла быстро, почти бежала, и платье путалось в ногах, но она не замедляла шага.

— Ваше высочество, — голос Дэймона раздался за спиной. — Вы идёте в казармы.

— Я знаю, куда я иду.

— Там грязно. И опасно.

— Я принцесса Нортанда. Я имею право ходить туда, куда захочу.

— Это не остановит стрелу.

Ирма резко обернулась. Дэймон чуть не налетел на неё — вовремя отступил, сохранив расстояние, но на секунду они оказались почти вплотную. Она видела его глаза — серые, спокойные, совершенно невозмутимые. И это спокойствие бесило её больше всего на свете.

— Послушайте меня, сэр рыцарь, — сказала она, понизив голос до шёпота. — Я знаю, что вы здесь приказом совета. Знаю, что вы должны таскаться за мной как привязанный и умирать по первому требованию. Но не смейте указывать мне, куда идти, что надевать и как разговаривать с южными нахалами. Моя мать правила этим королевством двадцать лет. Её слово было законом. И пока я жива, моё слово тоже будет законом.

— Я не указываю вам, ваше высочество, — ответил Дэймон тихо. — Я предупреждаю. Казармы — это место, где солдаты пьют, ругаются и играют в кости. Если кто-то из них

узнает, что принцесса спустилась к ним без охраны — кроме меня, — новость разлетится по замку за час, а по королевству за день. И ваши враги получают ещё один повод сказать, что вы не способны править, потому что ведёте себя как капризный ребёнок.

Ирма замерла.

Она хотела сказать что-то резкое — что он не смеет называть её ребёнком, что он никто, что он просто страж, и его мнение ничего не значит. Но слова застряли в горле.

Потому что он был прав.

Чёрт возьми, он был прав.

— Я иду в конюшню, — сказала она после долгой паузы, развернулась и пошла дальше, но уже медленнее, сдерживая шаг. — Хочу проведать свою лошадь.

— Это безопаснее, — согласился Дэймон.

— Я не спрашивала вашего мнения.

— Я знаю, ваше высочество.

Они спустились на первый этаж, прошли через большой зал, где слуги накрывали столы к вечернему ужину, и вышли во внутренний двор. Дождь к тому времени усилился — холодные косые струи хлестали по лицу, заставляя Ирму щуриться. Платье мгновенно промокло, потяжелело, прилипло к ногам. Дэймон, заметив это, хотел было накинуть на неё свой плащ, но передумал — слишком близко, слишком интимно, слишком много поводов для сплетен.

Вместо этого он просто встал с подветренной стороны, за-слоня её от ветра.

Ирма не поблагодарила. Но и не прогнала.

Конюшня оказалась единственным местом в замке, где Ирма чувствовала себя почти свободной. Здесь пахло сеном, лошадиным потом и дёгтем — резко, грубо, по-живому. Здесь никто не кланялся, не называл её «ваше высочество» каждые две секунды, не смотрел на неё с жалостью или расчётом. Здесь даже стены были проще — некрашенные брёвна, солома на полу, старые сёдла на крючьях.

Её лошадь — кобыла по кличке Выюга, серая в яблоках, с длинной белой гривой — стояла в дальнем стойле и жевала сено. Увидев хозяйку, она фыркнула, ударила копытом и ткнулась мордой в плечо.

— Здравствуй, девочка, — Ирма обняла её за шею, уткнулась носом в тёплую лошадиную гриву. — Скучала?

Вьюга фыркнула ещё раз, будто говоря: «Ты не была здесь три дня, где тебя носило?»

Ирма улыбнулась. Впервые за три дня.

Дэймон остался у входа в конюшню, скрестив руки на груди, и наблюдал. Он видел, как напряжённые плечи принцессы расслабились, как в её движениях появилась та лёгкость, которой никогда не было в тронном зале или гостиной. Здесь, среди лошадей и сена, она была не принцессой, а просто шестнадцатилетней девчонкой, которая любит свою лошадь и на секунду забыла о войне, свадьбе и южных полях.

«Она красивая, — подумал Дэймон, и тут же одёрнул себя. — Не думай об этом. Она — принцесса. Ты — никто».

Но мысли предательски возвращались.

Рыжие волосы, выбившиеся из узора. Худые запястья, когда она закатала рукава, чтобы погладить лошадь по морде. Серебряная шпилька с вороном, блеснувшая в тусклом све-

те конюшенного фонаря.

— Вы когда-нибудь ездили верхом? — спросила Ирма, не оборачиваясь.

Дэймон вздрогнул — он думал, она его не замечает.

— Да, ваше высочество. Все рыцари умеют ездить верхом.

— Я не про уметь. Я про любить.

Он задумался.

— Не думаю, ваше высочество. Для меня лошадь — это инструмент. Средство передвижения. Оружие на поле боя.

— Жаль, — Ирма повернулась к нему, и он увидел её лицо — не бледное и усталое, а живое, почти счастливое, с румянцем на скулах от холодного ветра. — Лошади лучше людей. Они не предают. Не торгуют. Не притворяются, что любят, когда на самом деле им нужны только твои земли.

Дэймон молчал. Что он мог ответить на это? Она была права. И оба они это знали.

— Вы пойдёте на бал сегодня? — спросил он, чтобы на-

рушить молчание.

— Должна, — вздохнула Ирма, отворачиваясь обратно к Вьюге. — Совет говорит, что моё отсутствие будет воспринято как неуважение. А южане могут обидеться и отозвать войска. А без их войск мы проиграем войну. А если мы проиграем войну — меня убьют, а королевство поделят соседи.

Она говорила это механически, без эмоций — повторяла то, что слышала от совета тысячу раз. Но в конце голос дрогнул.

— А если я всё-таки пойду на этот дурацкий бал в белом платье и буду улыбаться южному послу — что тогда? Война закончится? Мать воскреснет? Я перестану просыпаться по ночам от криков, которых не было?

— Война не закончится, — тихо сказал Дэймон. — Но вы выиграете день. А иногда день — это всё, что у нас есть.

Ирма посмотрела на него долгим, изучающим взглядом.

— Вы странный рыцарь, сэр Дэймон.

— Почему, ваше высочество?

— Потому что вы говорите правду. А в Вороньем Гнезде никто не говорит правду. Даже я.

Она отвернулась, потрепала Вьюгу по гриве, прошептала ей что-то на ухо — лошадь фыркнула и кивнула, будто поняла. Потом выпрямилась, одёрнула платье и направилась к выходу из конюшни.

У входа она остановилась, не глядя на Дэймона.

— Передайте Мире, чтобы приготовила белое платье.

Она вышла под дождь.

Вечер наступил слишком быстро.

Ирма сидела перед зеркалом, а Мира укладывала ей волосы в сложную причёску — с локонами, жемчугом, тонкой серебряной сеткой. Ирма ненавидела эту причёску. Каждый локон был как цепь, каждая жемчужина — как клеймо.

— Не надо сетки, — сказала она.

— Ваше высочество, так принято у южан.

— Я не южанка. И не хочу выглядеть как кукла из их лавки.

Мира вздохнула, но сетку убрала. Оставила только жемчуг — мелкий, речной, северный. Мать собирала его сама, когда была девочкой, на берегах Ледяной реки. Каждая жемчужина хранила память о летнем дне, о прохладной воде, о детстве, которого у Элины почти не было — она стала королевой в семнадцать.

Белое платье висело на манекене, ожидая своего часа.

Оно было прекрасным. Ирма ненавидела его за это.

Шёлк — мягкий, тяжёлый, с жемчужным отливом — струился до самого пола, скрывая ноги. Вышитые серебряной нитью звёзды мерцали при каждом движении — «северное сияние на ткани», как сказала мать. Лиф был открытым, но не вызывающе — скорее печально, как у статуи в старом храме. Рукава — длинные, узкие, застёгивающиеся на крошечные жемчужные пуговицы.

Ирма надела его молча.

Мира затянула шнуровку — на этот раз туже, потому что

южный фасон требовал осиной талии. Ирма закусила губу, чтобы не застонать. В груди перехватило дыхание, но она не попросила ослабить.

— Вы прекрасны, ваше высочество, — прошептала Мира, отступая назад.

— Я похожа на привидение, — сказала Ирма, глядя в зеркало.

И это было правдой.

Белое платье на бледной коже, рыжие волосы, тёмные круги под глазами — она выглядела как девушка, которая уже умерла, но забыла лечь в гроб. Белая невеста на белом снегу. Траурный цвет в южном королевстве — потому что южане считали, что невесты должны быть похожи на ангелов, а северяне знали: ангелы — это мёртвые дети.

В дверь постучали.

— Ваше высочество, — голос Дэймона был приглушён деревом. — Посол прислал экипаж. Гости собрались.

— Я иду, — ответила она.

Мира накинула ей на плечи тёплую накидку — поверх платья, чтобы не замёрзнуть по дороге. Ирма взяла со стола маленький кинжал — подарок матери на тринадцатилетие — и спрятала его в складках юбки.

— Зачем вам это? — испуганно спросила Мира.

— На всякий случай, — ответила Ирма и вышла из комнаты.

В коридоре её ждал Дэймон.

Увидев её в белом платье, он замер. Всего на секунду — моргнуть, и не заметить. Но Ирма заметила. Она видела, как дрогнули его пальцы на рукояти меча, как расширились зрачки, как он сглотнул — едва заметное движение кадыка.

— Ваше высочество, — сказал он, опуская глаза. — Экипаж ждёт.

— Вы не смотрите на меня, сэр Дэймон.

— Не смею, ваше высочество.

— А я приказываю.

Он поднял глаза. Снова эти серые льдины, за которыми ничего не разглядеть. Или всё?

— Вы прекрасны, — сказал он тихо. — Но вам идёт чёрный цвет.

Ирма не знала, что ответить на это. Compliment? Оскорбление? Правду?

Она прошла мимо него, не оборачиваясь, и он последовал за ней — тенью, рыцарем, стражем. Кто он был для неё сейчас, она не понимала. Но чувствовала спиной его взгляд — тяжёлый, горячий, совсем не похожий на тот лёд, который он носил на лице.

«Не думай об этом, — сказала она себе. — Он — никто. Он — просто страж».

Но почему-то при мысли об этом в груди становилось холодно. Ещё холоднее, чем от ветра на улице.

Экипаж ждал у главного входа — роскошный, с золотыми вензелями и гербом Андиса на дверце. Дэймон открыл дверцу, подал Ирме руку, помогая забраться внутрь. Его пальцы были тёплыми — удивительно тёплыми для человека, который всю жизнь держал холодную сталь.

— Вы поедете со мной, — сказала Ирма, когда он попытался закрыть дверцу и сесть с кучером.

— Это неприлично, ваше высочество.

— Мне плевать на приличия. Садитесь.

Он сел напротив, вытянувшись на узком сиденье. Меч мешал — он переложил его на колени. Экипаж тронулся, и колёса застучали по брусчатке.

Внутри было темно. Только слабый свет фонаря снаружи просачивался сквозь занавески, выхватывая из тьмы то лицо Ирмы, то серебряного ворона на груди Дэймона. Они сидели молча — слишком близко, чтобы не чувствовать дыхание друг друга, и слишком далеко, чтобы коснуться.

Бальный зал посольства Андис находился в здании, которое южане построили всего пять лет назад — задолго до смерти королевы Элины, когда никто ещё не думал, что северной принцессе придётся танцевать под их музыку. Это было странное сооружение: слишком высокое для Нортанда, слишком светлое, с огромными окнами, которые летом пропускали много солнца, а зимой — весь холод. Стены из розового мрамора, привезённого морем за три тысячи миль, ка-

зались неуместными среди серых гранитных скал Вороньего Гнезда. Южане пытались принести с собой кусочек своего тёплого, цветущего мира — и получили лишь насмешку суровой северной природы.

Когда карета остановилась у парадного входа, Ирма на секунду зажмурилась. Слишком много света. Слишком много звуков. Музыка — скрипки и лютни, которые в Нортанде не жаловали, — била по ушам весёлой, беззаботной мелодией, совершенно не подходящей для траурного дворца. Пахло цветами — южными, тепличными, с приторным ароматом, от которого у Ирмы начинала болеть голова. Розы. Снова эти проклятые розы.

«Дыши, — сказала она себе. — Ты принцесса. Твоя мать прошла через сотню таких балов. Ты тоже пройдёшь».

Дэймон протянул руку, помогая выйти из кареты. Его ладонь была твёрдой и сухой — никакой потливости, которая выдавала бы волнение, хотя Ирма подозревала, что он чувствует себя ничуть не лучше неё. Рыцарь в бальном зале, где не было места мечам? Это всё равно что волка заставить танцевать менуэт.

— Вы дрожите, ваше высочество, — тихо сказал он.

— Это от холода, — солгала она.

Он не поверил — она видела это по его глазам. Но ничего не сказал, только чуть крепче сжал её пальцы, прежде чем отпустить.

У входа их встретили слуги в белых ливреях — ещё одна южная причуда, одевать прислугу в цвета невесты. Ирма почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Белый цвет. Повсюду белый цвет. Будто она уже умерла, и её похороны только начались.

— Её высочество принцесса Ирма Нортандская! — провозгласил дворецкий, и звук его голоса покатился по мраморному залу, отражаясь от высоких потолков.

Гости обернулись.

Их было много — больше сотни, наверное. Южане в ярких камзолах и пышных платьях, северяне в тёмном сукне и мехах. Ирма узнала несколько лиц: лорд Харгрив с женой, герцог Ормонд (который, несмотря на возраст, пришёл — разумеется, он всегда был там, где решались дела), посол Рейнардо в розовом бархате, сияющий как начищенный медяк. Были и незнакомые — торговцы из Андиса, военные советники, какие-то женщины в дорогих украшениях, которые

смотрели на Ирму с любопытством и жалостью.

«Они видят не меня, — подумала Ирма. — Они видят контракт. Приданое. Трон. Матку, которая родит наследника».

Она выпрямила спину, расправила плечи — так, как учила мать: «Если ты не чувствуешь себя королевой, притворяйся. Рано или поздно притворство станет правдой».

— Ваше высочество, — посол Рейнардо отделился от толпы и склонился в изящном поклоне, который на севере сочли бы смешным. — Какой неожиданный... э... скромный наряд.

Ирма посмотрела на своё белое платье, потом на посла.

— Вы просили прийти в белом, лорд Рейнардо. Я пришла в белом.

— Да, но мы ожидали... — он запнулся, подбирая слова. — Более праздничный вариант. С драгоценностями. С открытыми плечами.

— Мои плечи принадлежат только мне, — ответила Ирма холодно. — И единственное украшение, которое я ношу в

трауре, — это кольцо матери. Вы не против?

Она не дала ему ответить, прошла в зал, чувствуя за спиной тяжёлый взгляд Рейнардо и лёгкие шаги Дэймона — он держался в трёх шагах позади, не приближаясь и не отставая. Идеальная дистанция для стража: достаточно близко, чтобы защитить, достаточно далеко, чтобы не мешать.

Бал начался с ужина.

Длинные столы ломились от яств — такого изобилия Ирма не видела с прошлого года, когда мать устраивала пир в честь победы при Кровавом Перевале. Фаршированные перепела, заливная рыба, мясо под сливочным соусом, фрукты — настоящие фрукты, выращенные в южных оранжереях, — гранаты, апельсины, инжир. Вино лилось рекой: красное, густое, пахнущее пряностями; белое, лёгкое, с кислинкой; золотистое десертное, от которого кружилась голова после первого же глотка.

Ирма не притронулась ни к чему, кроме хлеба.

— Ваше высочество, вы не едите, — заметил Рейнардо, сидевший справа от неё во главе стола.

— Я не голодна.

— Но вы такая худенькая. Жениху не понравится.

Ирма медленно повернула к нему голову.

— Лорд Рейнардо, во-первых, я ношу траур по матери и не обязана думать о том, что понравится жениху. Во-вторых, если принцу Стефу не понравится моя фигура, он может расторгнуть помолвку. Я буду только рада.

За столом воцарилось напряжённое молчание. Лорд Харгрив поперхнулся вином, герцог Ормонд усмехнулся в бороду, а жена посла — тучная дама в платье цвета фуксии — сделала вид, что не расслышала.

Рейнардо улыбнулся — той сладкой, дипломатической улыбкой, которая ничего не значила.

— Остроумно, ваше высочество. Вы унаследовали остроумие вашей матери.

— Моя мать унаследовала меч, — сказала Ирма. — И не боялась им пользоваться. Вы помните, лорд Рейнардо? Вы были здесь пять лет назад, когда она собственноручно отрубила голову шпиону, который пробрался в её спальню.

Рейнардо побледнел.

— Это была... впечатляющая демонстрация.

— Это была необходимость, — поправила Ирма. — Моя мать не любила демонстраций. Она любила результат.

Она взяла бокал с водой — вино она не пила, потому что кто-то мог подсыпать яд, — и сделала маленький глоток. Вода была холодной, почти ледяной.

Дэймон стоял у стены, метрах в десяти от стола. Он не ел, не пил, не разговаривал с другими гостями — просто стоял, скрестив руки на груди, и смотрел в зал. Иногда его взгляд останавливался на Ирме, но она ловила его только краем глаза, никогда прямо.

«Он не спускает с меня глаз, — подумала она. — В этом есть что-то... успокаивающее. И пугающее одновременно».

Потому что когда она чувствовала его взгляд на своей спине, ей становилось теплее. А когда не чувствовала — холод пробирал до костей.

После ужина начались танцы.

Южане любили танцы — так же сильно, как северяне любили войну. В Нортанде танцевали редко и только на свадьбах, грубовато, без изящества, с топотом и криками. Но здесь, в розовом мраморном зале, под звуки скрипок и лютен, двигались плавно, почти невесомо, как призраки. Шёлк шуршал, кружева трепетали на ветру от распахнутых окон, бриллианты сверкали в свете тысяч свечей.

Посол Рейнардо пригласил Ирму на первый танец.

Отказаться было нельзя — это сочли бы оскорблением. Ирма встала, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, и положила ладонь на руку посла. Его пальцы были мягкими, унизанными перстнями, и от них пахло мускусом — резко, навязчиво, как от парфюмерной лавки.

— Вы волнуетесь, ваше высочество, — заметил Рейнардо, ведя её в центр зала.

— Это от голода, — ответила Ирма. — Я же не ела.

Он рассмеялся — неестественно громко, чтобы все слышали. «Смотрите, — говорил этот смех, — невеста шутит, она счастлива, всё идёт по плану».

Музыка заиграла — медленный, торжественный танец,

который требовал от пары синхронности и грации. Ирма знала его плохо — мать не одобряла южных обычаев и редко приглашала учителей танцев. Но она старалась: шаг вперёд, шаг назад, поворот, реверанс. Платье путалось в ногах, жемчужные пуговицы на рукавах впивались в запястья, корсет сдавливал рёбра так, что трудно было дышать.

— Вы прекрасно танцуете для северянки, — сказал Рейнардо, когда они сделали очередной поворот.

— А вы прекрасно лжёте для южанина, — ответила Ирма, глядя куда-то поверх его плеча.

Она искала взглядом Дэймона. Где он? Вон, у колонны, у самого входа. Стоит, не двигаясь, и смотрит. Только теперь в его глазах не было спокойствия — она видела что-то другое. Напряжение? Тревогу? Или то, чего не смела назвать даже мысленно?

Музыка стихла. Рейнардо поклонился, поцеловал её руку — губы оставили влажный след на коже — и отпустил.

— Другие кавалеры ждут своей очереди, ваше высочество.

Ждали. Их было много — юные сынки южных купцов,

старые северные лорды, которым хотелось почувствовать себя молодыми, какой-то тощий военный советник с орлиным носом и маслеными глазами. Ирма танцевала с каждым по очереди, механически двигаясь в такт музыке, улыбаясь, когда требовали улыбки.

«Я — вещь, — думала она. — Я — экспонат. Я — кусок мяса, который выставляют на торги».

После пятого танца у неё закружилась голова. Слишком душно. Слишком много людей. Слишком много запахов — розы, мускус, духи, пот, вино.

— Простите, — сказала она очередному кавалеру (кажется, это был сын герцога Ормонда, хотя она не была уверена). — Мне нужно выйти.

Она повернулась и почти побежала к выходу, но на пути её перехватил Рейнардо.

— Ваше высочество, вы не можете уйти. Главный танец ещё не начался.

— Мне дурно.

— Тогда присядьте. Выпейте воды.

— Я сказала, мне дурно, — её голос стал громче, и несколько гостей обернулись. — Лорд Рейнардо, если вы не отпустите меня сию секунду, я сделаю так, что этот бал запомнится вам на всю жизнь.

Он отпустил. Но глаза его стали холодными, как лёд.

Ирма вышла в коридор, прошла несколько шагов, прислонилась к стене и закрыла глаза. Голова кружилась, в ушах шумело — смесь музыки, голосов и собственного бешеного сердцебиения.

— Ваше высочество.

Она открыла глаза. Перед ней стоял Дэймон. Один. Без меча — оружие оставили у входа, по правилам южан, которые не доверяли северным рыцарям с клинками.

— Я в порядке, — сказала она, хотя это было очевидной ложью.

— Вы бледны, как привидение.

— Я и есть привидение. Привидение в белом платье.

Она попыталась улыбнуться, но вместо улыбки вышла гримаса. Дэймон сделал шаг вперёд — самый малый шаг, на полступни, почти незаметный. Но Ирма заметила. Она замечала всё, что касалось его движений: как он стоит, как дышит, как сжимает пальцы в кулак, когда нервничает.

— Вам нужно на воздух, — сказал он. — Здесь есть сад. Я видел, когда мы подъезжали.

— Я не могу выйти одна. Это неприлично.

— Вы будете не одна. Я пойду с вами.

— А это ещё более неприлично.

— Ваше высочество, — Дэймон наклонился к ней, и его голос стал тише, почти шёпотом, — если вы сейчас не выйдете на воздух, вы упадёте в обморок. А если вы упадёте в обморок, южане скажут, что вы беременны. Потому что у них все женщины падают в обморок только от беременности.

Ирма моргнула.

— Это... очень специфическое знание для рыцаря.

— Я много чего знаю о южанах. Я с ними воевал.

Она хотела спросить — когда, где, как, — но вместо этого просто кивнула:

— Ведите.

Сад посольства был таким же чуждым Нортанду, как и само здание. Маленькие аккуратные клумбы, подстриженные кусты, дорожки, посыпанные белым гравием. В центре — фонтан с мраморной нимфой, из груди которой била струя воды. Всё это казалось игрушечным, ненастоящим, будто кто-то вырезал кусочек Андиса и приклеил его к северной скале.

Но воздух здесь был прохладным, почти свежим, и Ирма наконец смогла вздохнуть полной грудью.

Они прошли по дорожке до фонтана и остановились. Никого больше не было — гости предпочитали танцы и вино, а не прогулки в холодном ночном саду. Луна скрылась за облаками, и единственным источником света были слабые фонари у входа в здание. В темноте сад казался таинственным, почти волшебным — как место из старых сказок, которые мать рассказывала перед сном.

— Спасибо, — сказала Ирма, не глядя на Дэймона.

— За что, ваше высочество?

— За то, что вытащили меня оттуда. Ещё минута — и я бы разрыдалась или ударила кого-нибудь.

— Удар был бы предпочтительнее, — заметил Дэймон. — Слезы южане воспринимают как слабость.

— А что воспринимают как силу?

— Кровь.

Она усмехнулась. Горько, безрадостно.

— Вы жестоки, сэр Дэймон.

— Я реалист, ваше высочество. Жестокость — это когда вы танцуете с людьми, которые уже поделили ваше королевство, как пирог на празднике.

Ирма повернулась к нему. В полумраке сада его лицо казалось высеченным из камня — только глаза блестели, отражая далёкий свет фонарей.

— А вы? Вы тоже поделили бы меня, если бы могли?

Он молчал так долго, что Ирма уже решила, что не ответит. Но потом покачал головой.

— Я не делю людей, ваше высочество. Я их защищаю.

— Или убиваете.

— Это одно и то же. Защищая одного, вы убиваете другого. Таков закон войны.

— А если нет войны? Если просто... жизнь?

Дэймон посмотрел на неё долгим взглядом, в котором смешалось столько всего, что Ирма не смогла разобрать.

— Жизнь — это та же война, ваше высочество. Только без доспехов.

Он отвернулся, и разговор оборвался.

Они стояли у фонтана, глядя, как вода струится по мраморному телу нимфы. Было тихо — почти оглушительно тихо после шумного зала. Где-то вдалеке кричала ночная птица, и этот крик был похож на плач.

Они вернулись в зал через десять минут. За это время ничего не изменилось — всё так же играла музыка, кружились пары, лилось вино. Посол Рейнардо встретил Ирму с улыбкой, которая не касалась глаз.

— Надеюсь, ваше высочество чувствует себя лучше?

— Намного, — ответила Ирма. — Я готова танцевать дальше.

— Отлично. Следующий танец — павана. Её танцуют парами. Я пригласил для вас кавалера.

Он щёлкнул пальцами, и из толпы вышел молодой человек — лет двадцати, в чёрном камзоле с серебряной вышивкой, с бледным лицом и тёмными, почти чёрными глазами. Он был красив — той холодной, опасной красотой, которая заставляла девушек вздыхать, а матерей — прятать дочерей.

— Позвольте представить, — сказал Рейнардо с торжеством в голосе. — Лорд Себастьян, младший брат принца Стефа. Он приехал сегодня, чтобы лично познакомиться с невестой своего брата.

Ирма почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Брат жениха. Здесь. Сейчас. Смотрит на неё чёрными глазами, в которых нет ничего — ни тепла, ни интереса, ни даже вражды. Только пустота. И любопытство кошки, которая играет с мышью, прежде чем убить.

— Ваше высочество, — лорд Себастьян поклонился — изящно, но небрежно, будто делал одолжение. — Мой брат просил передать вам свой портрет и письмо. Я вручу их после танца.

— Благодарю, — выдавила Ирма. — Я с нетерпением жду возможности прочесть послание принца.

Она солгала. Она ненавидела себя за эту ложь. Но что ещё она могла сказать?

— Не желаете ли потанцевать? — спросил Себастьян, протягивая руку.

Она посмотрела на его ладонь — узкую, белую, с длинными пальцами, похожими на паучьи лапки. Потом перевела взгляд на Дэймона, который стоял у стены и смотрел на неё с выражением, которое она не могла прочитать.

«Помоги мне», — подумала она.

Но он не мог. Он был просто рыцарем. Просто тенью. Просто никем.

— Да. — сказала она, вкладывая ладонь в руку южанина.

Музыка заиграла снова.

Павана была медленным, величественным танцем — каждый шаг, каждый поворот имели значение, как в шахматной партии. Лорд Себастьян вёл уверенно, почти грубо, не оставляя Ирме права выбора. Его пальцы сжимали её талию так, что оставались синяки. Он смотрел на неё сверху вниз, и в его глазах всё так же ничего не было.

— Мой брат писал о вас, — сказал он, когда они сделали первый круг.

— И что же он писал?

— Что вы красивы, умны и упрямы. Он любит упрямых женщин. Говорит, что их интереснее ломать.

Ирма похолодела.

— Ломать?

— О, не волнуйтесь, ваше высочество, — Себастьян усмехнулся, обнажив ровные белые зубы. — Ломать не значит убивать. Стеф предпочитает, чтобы его жёны были живы. По крайней мере, первое время.

— Что случилось с предыдущей невестой? — спросила Ирма, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— С предыдущей? — Он сделал вид, что задумался. — Ах, да. Леди Элеонора. Она упала с лестницы. Такая трагедия.

Он не говорил «я», но Ирма поняла.

Она поняла всё.

Этот человек — брат её жениха — только что признался в убийстве. Или не признался, а просто подразнил её, как кошка дразнит мышь. И она ничего не могла сделать. Не могла кричать, не могла бежать, не могла даже остановить танец, потому что все смотрели.

Она взглянула на Дэймона.

Он стоял у колонны, и его лицо было белым, как мел. Он слышал. Конечно, слышал — у рыцарей отличный слух, его

учили различать шаги врага в темноте. Он слышал каждое слово.

И ничего не делал.

Потому что не мог.

Музыка стихла. Танец кончился. Себастьян поклонился, поцеловал её руку — сухими, холодными губами — и отошёл.

Ирма стояла посреди зала, и мир вокруг неё распадался на куски.

— Ваше высочество, — голос Дэймона раздался у самого уха. — Вам нужно сесть.

— Я не сяду, — прошептала она. — Я уеду. Сейчас же.

— Я прикажу подать карету.

— Нет. Мы пойдём пешком.

— Ваше высочество, до замка миля.

— Я сказала — пешком.

Она повернулась и пошла к выходу, не глядя ни на кого. За спиной слышались удивлённые голоса, шепотки, смешки. Посол Рейнардо что-то крикнул ей вслед, но она не обернулась.

Дэймон нагнал её у дверей, накинул на плечи свой тёплый плащ — грубый, шерстяной, пахнувший кожей и сталью.

— Вы замёрзнете, — сказал он.

— Мне всё равно.

Они вышли на улицу.

Ночь была холодной — такой холодной, что дыхание превращалось в пар, а капли на листьях замерзли ледяными бусинками. Луна вышла из-за облаков, и дорога к замку серебрилась в её свете, как река.

Они шли молча. Быстро, почти бегом. Ирма спотыкалась в своём длинном платье, но не замедляла шага. Дэймон держался рядом — иногда касался её локтя, поддерживая, иногда чуть забежал вперёд, проверяя дорогу.

Они не говорили ни слова.

Только когда ворота Вороньего Гнезда показались впереди — тёмные, массивные, такие родные и такие страшные одновременно — Ирма остановилась.

— Он убил её, — сказала она в темноту. — Тот принц. Стеф. Он убил свою невесту.

— Я знаю, ваше высочество.

— Что мне делать?

Дэймон молчал. Долго. Так долго, что Ирма уже решила — не ответит.

Но ответил.

— Жить, ваше высочество. Наперекор всем им. Наперекор южанам, северным лордам, всему совету. Жить и править. Потому что если вы умрёте — они победят. А они не должны победить.

Она посмотрела на него. В лунном свете его лицо было суровым, почти жестоким — и в то же время таким усталым, что у Ирмы сжалось сердце.

— Вы верите, что у меня получится?

— Я в это верю, ваше высочество.

— Почему?

Он на секунду замер.

— Потому что вы — дочь Элины Северной, — сказал он тихо. — А Элина никогда не сдавалась.

Он повернулся и пошёл к воротам, оставляя её стоять на дороге.

Ирма сжала край плаща — его плаща, пахнувшего потом, сталью и чем-то ещё, чему не было названия. И пошла следом.

В ту ночь она не спала.

Сидела у окна в своей спальне, сжимая в руках кинжал, и смотрела на луну. А за дверью, прислонившись к стене, стоял рыцарь, который поклялся умереть за неё, но почему-то очень хотел жить.

Она не знала этого тогда. Но скоро узнает.

Очень скоро.

Глава 3

Нортанд не умел прощать слабости. Ирма знала это с детства — мать рассказывала, как в первый год её правления северные лорды пытались посадить на трон её двоюродного брата, а когда не вышло, отказались платить налоги. Элина тогда собрала верные войска, лично повела их в земли мятежников и сожгла три замка дотла. «После этого они меня зауважали», — говорила она с холодной усмешкой, и в её глазах не было ни тени сомнения.

Ирма не могла сжигать замки. У неё не было войска, не было денег, не было даже той ледяной твёрдости, которая позволяла матери смотреть в глаза убийцам и не моргать. Всё, что у неё было, — это траурное платье, старая библиотека и рыцарь у двери, который не разговаривал с ней больше, чем требовал долг.

После бала прошло две недели.

Две недели, в течение которых Ирма не выходила из своих покоев, ссылаясь на недомогание. Она знала, что это выглядит как трусость — принцесса, которая прячется от брата своего жениха, как мышь от кота. Но она не могла заставить себя снова увидеть чёрные глаза Себастьяна, услышать его

смех, почувствовать его пальцы на своей талии.

«Он убил её, — повторяла она про себя каждый вечер. — Он убил свою невесту, и никто не наказал его за это. Потому что он принц. Потому что правда ничего не стоит, когда на кону корона».

Она сжимала кулаки так, что ногти впивались в ладони, и смотрела в потолок, где трещины на штукатурке складывались в карту южных королевств.

Ей нужно было что-то делать. Но она не знала — что.

Совет давил. Ормонд требовал, чтобы она вернулась к переговорам. Грейвуд ныл, что казна пустеет. Лорд-маршал Эдрик докладывал о новых потерях на фронте — южане (настоящие враги, не жених) прорвали оборону у Ледяных Ворот и теперь угрожали прибрежным деревням. Ей нужно было принимать решения, подписывать приказы, посылать войска — но каждое её решение оспаривалось, каждый приказ игнорировался, каждое слово тонуло в болоте придворных интриг.

Она была королевой без власти. Правительницей без армии. Невестой, которую никто не спросил, хочет ли она замуж.

— Ваше высочество.

Голос Дэймона за дверью звучал ровно, как всегда. Никаких эмоций. Никаких вопросов. Только долг.

— Войдите.

Он вошёл бесшумно — Ирма давно перестала понимать, как ему это удаётся в тяжёлых сапогах. Сегодня он был без плаща, только в стёганой куртке и доспешных пластинах. Тёмные волосы влажные — только что из тренировочного зала. От него пахло потом, железом и холодной водой.

— Лорд Себастьян просит аудиенции, — сказал он, остановившись у двери.

— Нет.

— Он будет настаивать.

— Пусть настаивает. У меня болит голова.

— У вас болит голова уже две недели, ваше высочество.

Ирма подняла на него глаза. Обычно она не позволяла се-

бе таких взглядов — слишком откровенных, слишком требовательных. Но сейчас ей было всё равно.

— Вы сомневаетесь в моей болезни, сэр Дэймон?

— Я сомневаюсь в её причинах, — ответил он, и в его голосе впервые прозвучало что-то, кроме холодной вежливости. Беспокойство? Раздражение? Ирма не могла разобрать. — Вы не едите. Вы не спите. Вы не выходите из комнаты. Совет начинает говорить, что вы неспособны править.

— Совет всегда это говорил.

— Но теперь они говорят это вслух.

Ирма отвернулась к окну. День был серым, как и все дни в Нортанде. Дождь перестал, но небо висело низко, тяжёлое, готовое разразиться новой бурей. Внутренний двор пустовал — солдаты ушли на учения, слуги прятались от холода по кухням. Только старый конюх возился с телегой у конюшни, и его движения были такими медленными, такими усталыми, что казались почти символическими.

— Что вы предлагаете? — спросила она, не оборачиваясь.

— Я не предлагаю. Я исполняю приказы.

— А если я прошу совета?

Молчание.

Ирма услышала, как он сделал шаг вперёд — всего один, самый маленький шаг, но эхо от него разнеслось по комнате, как удар колокола.

— Я не советник, ваше высочество.

— Я знаю, кто вы. Я спрашиваю, что вы думаете.

— Вы не хотите знать, что я думаю.

— А вы не хотите говорить?

Он молчал так долго, что Ирма уже решила — не ответит. Но потом произнёс — тихо, почти шёпотом:

— Я думаю, что вы боитесь. И это правильно. Потому что тот, кто не боится, — глупец. А глупцы умирают быстро. Но я также думаю, что вы не можете прятаться вечно. Лорд Себастьян не уедет, пока не добьётся своего. А его «своё» — это подписать брачный договор и увезти вас в Андис. Если вы продолжите отказываться от встреч, он пойдёт к совету

напрямую. А совет надавит на вас. И тогда у вас не останется выбора.

— У меня никогда не было выбора, — сказала Ирма.

— Он был. Когда вы сказали «нет» южному платью. Когда вы вышли из кареты и пошли пешком, потому что не хотели больше находиться в их обществе. — Голос Дэймона стал твёрже, почти жёстким. — Вы делали выбор каждый день, ваше высочество. Просто не замечали этого.

Ирма медленно повернулась.

Он стоял в трёх шагах от неё — ближе, чем позволял этикет, ближе, чем он обычно приближался. Его лицо было спокойным, но глаза... глаза горели. Светло-серые, почти прозрачные, они смотрели на неё так, будто видели насквозь — все её страхи, все её сомнения, всю ту маленькую, загнанную в угол девчонку, которая хотела одного: чтобы кто-то сказал ей, что всё будет хорошо.

— А если я сделаю неправильный выбор? — спросила она шёпотом.

— Тогда я умру, защищая его.

Это было не то, что она хотела услышать. И одновременно — именно то.

Она подошла к нему. Близко. Так близко, что могла коснуться рукой его плеча — не доспешного, живого, под стёганой тканью. Он не отступил. Не опустил глаз. Только сжал челюсть так, что желваки заходили под кожей.

— Вы когда-нибудь боялись? — спросила она.

— Каждый день.

— Чего?

Он посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом — и в этом взгляде было столько всего, что Ирма на секунду забыла, как дышать.

— Что однажды я не успею, — сказал он. — Что моя рука дрогнет. Что враг окажется быстрее. Что вы умрёте, а я буду стоять рядом и ничего не смогу сделать.

Она хотела сказать что-то — утешить, пошутить, оборвать этот странный, слишком откровенный разговор. Но вместо этого просто положила ладонь на его руку.

Ткань куртки была грубой, холодной, но под тканью чувствовалось тепло живого тела, биение пульса, слишком частого для человека, который только что стоял неподвижно.

— Вы не опоздаете, — сказала она. — Я не позволю.

— Ваше высочество...

— Хватит. — Она убрала руку, отступила на шаг. — Передайте лорду Себастьяну, что я приму его завтра утром. В тронном зале. С советом. И пусть приносит свои договоры — я их прочитаю. От корки до корки.

Дэймон кивнул, развернулся и вышел.

Только у двери он задержался на секунду, обернулся — и Ирма снова увидела этот взгляд. Горячий. Боящийся. Живой.

— Вы сильная, ваше высочество, — сказал он. — Сильнее, чем думаете.

Дверь закрылась.

Ирма осталась одна.

Она подошла к кровати, села на край, провела рукой по прохладной простыне. Пальцы дрожали — она не понимала, от страха или от чего-то другого, чему не знала названия.

— Я сильная, — повторила она шёпотом. — Я сильная. Я дочь Элины Северной.

За окном начинался новый дождь.

Тронный зал Вороньего Гнезда был построен для суровых северных королей, которые не нуждались в золоте и мраморе, чтобы внушать страх. Стены из чёрного гранита, высокие узкие окна, пропускавшие минимум света, пол из каменных плит, стёртых ногами сотен просителей за столетия. Трон — простой, без спинки, с подлокотниками в виде вороньих голов — стоял на возвышении из трёх ступеней. Рядом с тронном, чуть ниже, — два кресла для регентов, но сейчас они пустовали. Она была совершеннолетней по законам Нортанда — шестнадцать лет считались возрастом совершеннолетия для правящей королевы. Никто не оспаривал это право, но и не уважал его.

Сегодня она надела не траурное платье. И не белое.

Тёмно-синее, шерстяное, с высоким воротом и длинными рукавами — парадное облачение, в котором мать принимала послов. На груди — серебряная брошь с вороном, на поясе — маленький кинжал в ножнах из тиснёной кожи. Волосы убраны в тугой узел, открывающий шею и плечи — не для кокетства, а для того, чтобы показать: она не прячется. Она готова.

Дэймон стоял у дверей, за её спиной — на полтора метра левее, как и положено личному стражу. Сегодня он был в полном доспехе: стальные пластины поверх кожаной основы, шлем в руке, меч у бедра. Выглядел он так, будто собрался на войну, а не на дипломатическую встречу. Ирма не стала спрашивать, зачем ему доспех. Она и сама чувствовала, что сегодня может понадобиться любая защита.

Лорд Себастьян де Монфор вошёл ровно в назначенный час.

За ним следовала свита — четверо вооружённых южан в лёгких доспехах, секретарь с кипой бумаг, и какой-то старик в чёрной мантии, похожий на ворона. Сам Себастьян был одет в тёмно-зелёный бархатный камзол, расшитый золотыми драконами. На груди сверкала массивная золотая цепь с рубином. Он был чисто выбрит, напомажен, и от него пахло так же, как от посла Рейнардо — мускусом и розами.

— Ваше высочество, — он поклонился, но недостаточно низко. Северянин поклонился бы ниже — в знак уважения. Себастьян кланялся так, будто делал одолжение. — Как я рад видеть вас в добром здравии. Мой брат будет счастлив узнать, что его невеста поправилась.

Ирма не пригласила его садиться. Он сел сам — в кресло для регентов, правое, которое обычно занимал герцог Ормонд. Наглость была рассчитанной, демонстративной — как удар плетью.

— Я поправилась, — сказала Ирма, не улыбаясь. — Благодарю за беспокойство. Переходите к делу, лорд Себастьян. У меня мало времени.

— О, дело простое, — он развалился в кресле, закинув ногу на ногу. — Мой брат хочет подписать брачный договор до конца месяца. До свадьбы осталось меньше, чем пол года, а мы до сих пор не согласовали условия. Ваш совет тянет, ищет лазейки, придумывает отговорки. Мой брат теряет терпение.

— Ваш брат может потерять что угодно, — ответила Ирма ледяным тоном, который скопировала у матери. — Это не ускорит подписание договора.

Себастьян усмехнулся.

— Вы смелы, ваше высочество. Я ценю это в женщинах. Но смелость без силы — всего лишь глупость. А глупость, как известно, наказуема.

— Вы угрожаете мне? — Ирма подалась вперёд, и её пальцы сжали подлокотники трона. — В моём собственном зале? При свидетелях?

— Я предупреждаю, — поправил Себастьян, и его улыбка стала шире. — Существует большая разница между угрозой и предупреждением. Угроза — это обещание зла. Предупреждение — это проявление заботы. Я забочусь о вас, ваше высочество. Ваше здоровье, ваше будущее, ваше счастье — всё это теперь связано с домом Андис. И будет очень жаль, если с вами что-нибудь случится до свадьбы.

Ирма почувствовала, как кровь отлила от лица.

Она знала, что это было — угроза, завуалированная под заботу, обещание смерти, упакованное в шёлк и вежливость. Её мать получала такие «предупреждения» каждый месяц и каждый месяц отправляла послов обратно с одним словом: «Нет».

Но она была Элиной Северной. А Ирма была просто Ирмой.

— Лорд Себастьян, — раздался голос сбоку.

Все обернулись.

Герцог Ормонд вышел из тени — он стоял у колонны всё это время, незаметный, как паук в углу. Сегодня он был без обычного охотничьего камзола, в строгом чёрном с серебряным воротом. Его лицо — морщинистое, жёсткое, с глубокими шрамами от старой оспы — не выражало ничего, кроме усталого терпения.

— Лорд Себастьян, — повторил он, подходя ближе. — Вы забываетесь. Вы говорите с королевой Нортанда. Не с торговкой на рынке. Следите за своим тоном.

Себастьян вскочил с кресла — не потому, что испугался, а потому что понял: старик прав. Даже в Андисе знали герцога Ормонда. Человека, который пережил трёх королей и заговорщиков казнил собственноручно, чтобы не нанимать палача.

— Мои извинения, ваше высочество, — Себастьян скло-

нил голову, на этот раз ниже. — Я позволил себе лишнее. Брат упрекнул бы меня, если бы узнал.

— Ваш брат не узнает, — сказал Ормонд, и в его голосе прозвучала сталь. — Если вы немедленно перейдёте к делу и оставите угрозы при себе.

Себастьян кивнул, сел — теперь уже в другое кресло, предназначенное для гостей, — и развернул бумаги.

Следующие два часа Ирма читала брачный договор.

Это был документ на пятьдесят страниц, написанный мелким, убористым почерком на латыни — языке юристов и дипломатов. Она читала медленно, переспрашивая, возвращаясь к уже прочитанным параграфам, делая пометки на полях. Себастьян ёрзал, терял терпение, пил вино — его подавали слуги в серебряных кубках — и смотрел на неё с растущим раздражением.

Дэймон стоял неподвижно, как изваяние.

Ирма чувствовала его присутствие — тяжелое, надёжное, как скала за спиной. Когда ей становилось страшно, она мысленно считала его дыхание: вдох-выдох, вдох-выдох, ровный, спокойный, не сбивающийся. И страх отступал.

«Он здесь, — думала она. — Он не даст меня в обиду».

Глупая мысль. Наивная. Дэймон не мог защитить её от брачного договора — только от стрел и кинжалов. Но почему-то эта мысль грела.

— Пункт двенадцать, — сказала Ирма, не поднимая глаз от бумаг. — «Принцесса обязуется принять веру Андиса и креститься по южному обычаю в течение месяца после свадьбы». Это невозможно. Моя мать была северной жрицей. Я не отрекусь от её богов.

— Это требование моего брата, — пожал плечами Себастьян. — Он хочет, чтобы его дети росли в истинной вере.

— Мои дети будут расти в той вере, которую я выберу, — отрезала Ирма. — Этот пункт удалить.

— Ваше высочество...

— Удалить. Или договора не будет.

Себастьян сжал челюсти, но кивнул секретарю, который сделал пометку на полях.

— Пункт двадцать три. — Ирма перевернула страницу. — «Все доходы с приданого переходят в распоряжение мужа». Это абсурд. Моё приданое — это земли, деревни и налоги. Они принадлежат Нортанду, а не Андису.

— Ваш муж будет распоряжаться ими от вашего имени.

— Мой муж может распоряжаться своими землями. А моими буду распоряжаться я.

— Ваше высочество, это не принято...

— В Нортанде принято то, что я говорю. — Ирма подняла наконец глаза, и в них горел холодный огонь, которого она сама в себе не подозревала. — Я — королева этого королевства. Не регентша, не наместница, не пешка на чужой доске. До тех пор, пока я жива и правлю, никто — слышите, никто — не будет распоряжаться моими землями без моего разрешения. Ни брат жениха, ни сам жених, ни даже его отец-король. Пункт удалить.

Себастьян побледнел.

Он не привык, чтобы ему перечили. В Андисе женщины молчали, кивали, рожали детей и умирали в родах, оставляя мужчинам замки, золото и власть. А эта северная выскочка

смела указывать ему — брату принца!

— Вы пожалеете, ваше высочество, — сказал он тихо.

— Это моё право, — ответила Ирма и отложила договор в сторону. — Мы продолжим завтра. Сейчас я устала.

Она встала, и Дэймон мгновенно оказался рядом — на полшага позади, наготове. Себастьян тоже встал, но не поклонился — только кивнул, сухо, резко, и вышел из зала, свита потянулась за ним.

Последним уходил старик в чёрной мантии. У дверей он обернулся, посмотрел на Ирму долгим взглядом — внимательным, оценивающим — и улыбнулся. Улыбка была странной: не злой, не доброй, а какой-то... знающей.

Ирма не поняла этой улыбки. Но запомнила её.

Когда зал опустел, она рухнула в трон, как подкошенная.

— Я сделала это? — спросила она у потолка.

— Вы сделали это, ваше высочество, — ответил Дэймон.

— Я была убедительна?

— Вы были великолепно.

Она повернула голову и посмотрела на него. В полумраке зала его лицо казалось высеченным из гранита — суровое, непроницаемое, живое только в глазах. Они снова горели — не холодом, а чем-то тёплым, почти нежным.

— Вы смотрели на меня всё это время? — спросила она.

— Я смотрел на лорда Себастьяна, ваше высочество.

— Лжёте.

— Возможно.

Она хотела рассердиться, но вместо этого улыбнулась — впервые за две недели, по-настоящему, не пряча улыбку в рукав.

— Пойдёмте, сэр Дэймон. Мне нужно в библиотеку. Я обещала Бенедикту принести ему мёда.

— Он не пьёт мёд, ваше высочество.

— А я не пью вино. Но иногда делаю исключения.

Она встала, поправила платье, одёрнула рукава. Дэймон подал ей руку — не для опоры, а для того, чтобы помочь спуститься с возвышения. Она взяла его за руку и почувствовала, как его пальцы дрогнули — только на секунду, только в ответ на её прикосновение.

«Что со мной происходит?» — подумала она. — «Почему мне тепло, когда он рядом? Почему я ищу его глазами в каждой комнате? Почему моё сердце бьётся чаще, когда он смотрит на меня?»

Она не знала ответа. И боялась узнать.

Библиотека находилась в самом дальнем конце западного крыла, в башне, которую забыли перестроить ещё при прадеде Ирмы. Сюда редко заходили — слишком холодно, слишком пыльно, слишком много древних книг, которые никто не читал. Но для Ирмы это было святилище.

Книги — сотни, тысячи книг — стояли на дубовых стеллажах, уходящих под самый потолок. Некоторые были такими старыми, что рассыпались при прикосновении. Другие — переплетённые в кожу, с медными застёжками — помнили ещё первого короля Нортанда, который строил Воронье Гнездо на костях побеждённых врагов. Воздух здесь был су-

хим и холодным, пахло плесенью, воском и древностью.

Бенедикт сидел в своём кресле у камина — единственного источника тепла в башне — и перелистывал какой-то фолиант. Увидев Ирму, он отложил книгу и улыбнулся своей беззубой улыбкой.

— Ваше высочество, — прошамкал он. — А я уж думал, вы забыли дорогу.

— Забыть дорогу в библиотеку? — Ирма подошла к нему, чмокнула в морщинистую щёку и протянула маленькую глиняную кружку. — Мёд. Настоящий, с пасеки лорда Харгрива.

— О, — Бенедикт взял кружку дрожащими руками, поднёс к носу, понюхал. — Запах... как в молодости.

— Вы всегда говорите «как в молодости», — засмеялась Ирма. — А сами, наверное, никогда не были молодым.

— Был, — ответил Бенедикт, и его глаза стали вдруг совсем не старыми — молодыми, живыми, с хитринкой. — Был, ваше высочество. Даже слишком.

Он кивнул на стул напротив, и Ирма села.

Дэймон остался у дверей, но Ирма позвала его:

— Идите сюда. Не стойте как истукан.

— Ваше высочество, это неуместно.

— Я приказываю.

Он переступил порог — медленно, неохотно, словно входил в логово врага. Осмотрелся: стеллажи, лестницы, тёмные углы, где мог спрятаться убийца. Только убедившись, что опасности нет, он приблизился к камину и встал у стены, скрестив руки на груди.

Бенедикт посмотрел на него, потом на Ирму — и снова эта странная, знающая улыбка.

— Хороший у вас страж, — сказал он. — Верный.

— Лучший, — ответила Ирма, не глядя на Дэймона.

— Верность — редкий дар, — Бенедикт отпил мёда, крикнул от удовольствия. — Я служил четырём королям, ваше высочество. И только один из них был верен мне. Остальные предавали, когда им это было выгодно.

— И что с тем королём? — спросила Ирма.

— Умер. От старости. В своей постели, окружённый детьми и внуками. — Бенедикт помолчал, погладил переплёт фолианта. — Знаете, почему он не был предан? Потому что никому не нужна была его смерть. Он не мешал. Не имел врагов. Никто не хотел его трона.

— Вы хотите сказать, что моя мать умерла, потому что мешала?

— Я ничего не говорю, ваше высочество, — старик поднял на неё мутные глаза. — Я только пью ваш мёд и вспоминаю прошлое. А вы делайте выводы сами.

Ирма похолодела.

Она знала, что смерть матери была внезапной. Элина не болела — накануне она чувствовала себя прекрасно, скакала верхом, подписывала указы, спорила с Ормондом. А наутро её нашли мёртвой в постели — холодной, с синими губами, без единой раны на теле.

Лекари сказали — сердце. Слишком много войн, слишком много забот, слишком много ночей без сна. Сердце про-

сто остановилось.

Но теперь, глядя в глаза Бенедикту, Ирма впервые засомневалась.

— Вы знаете что-то, — сказала она тихо. — Что-то, чего не знаю я.

— Я знаю многое, ваше высочество, — ответил старик. — Я живу в библиотеке семьдесят лет. Книги помнят всё. Имена, даты, яды, которые не оставляют следов. — Он помолчал, поставил кружку на стол. — Приходите завтра. Я покажу вам кое-что.

— Что?

— Старый дневник. Вашей матери.

Ирма вскочила.

— Дневник? У неё был дневник?

— Был, — кивнул Бенедикт. — Она оставила его мне за день до смерти. Сказала: «Если со мной что-то случится, отдай Ирме. Когда она будет готова». — Он посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом. — Я думал, вы будете готовы че-

рез год. Но вы сильнее, чем я предполагал. Сильнее, чем ваша мать в вашем возрасте.

Ирма хотела спросить — что в дневнике, почему мать прятала его, какие тайны хранятся на этих страницах. Но Бенедикт поднял руку, призывая к тишине.

— Завтра, — повторил он. — Не сегодня. Сегодня вы устали. Идите спать, ваше высочество. Ваш страж проводит.

Она не стала спорить.

Дэймон открыл дверь, пропуская её вперёд. В коридоре было темно и холодно — факелы почти догорели, и слуги не спешили заменять их. Ирма шла быстро, почти бежала, не потому что боялась темноты, а потому что боялась остаться наедине со своими мыслями.

— Ваше высочество, — голос Дэймона остановил её на полпути.

— Что?

— Библиотекарь... вы ему доверяете?

Она обернулась.

— Бенедикт служит этому замку дольше, чем живёт любой из нынешних советников. Он знал моего деда. Моего прадеда. Если я не могу доверять ему, то кому тогда?

Дэймон молчал.

— Вы не ответили, — сказала Ирма.

— Я думаю, ваше высочество, что доверие — это роскошь, которую мы не можем себе позволить. Особенно сейчас.

— Даже вам?

Он замер.

— Даже мне, — сказал он после паузы.

— Хорошо, — кивнула Ирма, развернулась и пошла дальше. — Тогда я никому не буду доверять. Включая вас.

— Это разумно.

— Это глупо, — возразила она, не оборачиваясь. — Но вы правы. Доверие — это роскошь. А я — бедная невеста,

которую хотят убить, продать или посадить на трон. У меня нет права на роскошь.

Она вошла в свои покои и закрыла дверь, не прощаясь.

Дэймон остался в коридоре.

Прислонился к стене, закрыл глаза, провёл рукой по лицу. Он чувствовал странную усталость — не физическую, а какую-то глубинную, душу выматывающую. Будто он нёс на плечах не только свою жизнь, но и её — хрупкую, драгоценную, которую он поклялся защищать, но не имел права касаться.

— Ты в порядке? — спросил Годрик, выходя из тени.

— Нет, — честно ответил Дэймон.

— Она тебя изводит?

— Она меня... — он запнулся, подбирая слово. — Она заставляет меня чувствовать.

— О, — Годрик присвистнул. — Плохо дело. Чувства на службе — это как меч без рукояти. Порежешься.

— Я знаю.

— Тогда чего ждёшь?

Дэймон посмотрел на закрытую дверь, за которой, должно быть, Ирма снимала платье, распускала волосы, садилась у окна смотреть на луну. Он знал её ритуалы — за две недели выучил наизусть. Сначала тихие шаги по комнате, потом скрип кровати, потом долгое молчание, иногда прерываемое всхлипами — она плакала по ночам, когда думала, что никто не слышит.

Он слышал. И ничего не мог с этим поделать.

— Я жду, когда она перестанет быть принцессой, — сказал он Годрику, глядя в стену.

— А она когда-нибудь перестанет?

— Нет.

— Тогда ты пропал, парень.

— Я знаю.

Годрик похлопал его по плечу, развернулся и ушёл, бор-

моча себе под нос что-то о молодости, глупости и женщинах, которые сводят с ума лучших мужчин.

Дэймон остался один.

До утра было ещё далеко.

Ночью Ирма не спала.

Она сидела у окна, поджав колени к груди, и смотрела на луну. Она была почти полной — круглая, серебряная, похожая на монету, которую кто-то забыл на небе. В её свете всё казалось чужим, ненастоящим — стены, пол, даже собственные руки.

Пальцы всё ещё помнили тепло доспеха — того места, где она коснулась его руки в тронном зале. Жест был случайным, необдуманым, но теперь она прокручивала его в голове снова и снова. Как он смотрел на неё. Как его пальцы дрогнули. Как он сказал: «Вы сильная».

«Он не имеет права так на меня смотреть, — думала она. — Я — принцесса. Он — рыцарь. Между нами пропасть, которую не перепрыгнуть».

Но пропасть почему-то казалась всё уже. С каждым днём. С каждым разговором. С каждым его взглядом.

Она вздохнула, откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

За дверью было тихо. Но она знала, что он там — стоит, не спит, слушает. Она знала, что он слышит, как она ворочается, как дышит, как иногда плачет по ночам. И почему-то это не пугало её. Успокаивало.

«Я схожу с ума, — подумала она. — Совсем схожу с ума».

Луна скрылась за облаком.

Ирма открыла глаза — и в темноте окна увидела своё отражение. Худое лицо, тёмные круги под глазами, волосы, растрёпанные за день. Она выглядела уставшей, больной, несчастной.

Но губы улыбались.

Почему?

Она не знала.

Завтра она получит дневник матери. Завтра, возможно, узнает правду о её смерти. Завтра снова будет спорить с Себастьяном, подписывать бумаги, играть в политику. Завтра будет новый день — такой же серый, холодный и безнадёжный, как и все предыдущие.

Но сегодня, в эту ночь, она чувствовала странное спокойствие.

Потому что знала: за дверью стоит человек, который умрёт за неё.